

Ирина Михайловна Лаврухина

Азово-Черноморский инженерный институт —
филиал Донского государственного аграрного университета в Зернограде, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Зерноград, Россия
e-mail: Lavruhina_i@inbox.ru

Елизавета Александровна Антоненко

Азово-Черноморский инженерный институт —
филиал Донского государственного аграрного университета в Зернограде,
студентка бакалавриата, факультет экономики и управления территориями, Зерноград, Россия
e-mail: elizavetta_2003@mail.ru

Оправдание добра: версии в культуре

Аннотация. Размышления о добре и зле являются частью смысложизненной проблематики. Добро рассматривается как ценность, преодолевающая отчуждение между людьми. В статье рассматриваются три версии в понимании добра и его природы: теория разумного эгоизма, учение нравственного долга И. Канта и альтруистическая концепция Вл. Соловьева. Добро для разумных эгоистов выступает средством платежа, когда предполагается, что оно будет возвращено. Добро полезно, потому что в конечном счете работает на интересы субъекта. Добро в учении И. Канта представляется как свободное действие в соответствии с внутренним долгом, категорическим императивом. Согласно Вл. Соловьеву, человек добр от природы в силу элементарных нравственных чувств стыда, жалости и благоговения. Рассматриваются разные статусы человека, возможность быть свободным и счастливым в этих версиях. В контексте теоретического анализа был проведен соответствующий опрос с целью выявить привлекательность для обыденного сознания той или иной версии понимания природы добра.

Ключевые слова: нравственное чувство, понимание добра, теория разумного эгоизма, нравственное учение И. Канта, категорический императив, альтруистическая концепция Вл. Соловьева.

Irina M. Lavrukhina

Azov-Black Sea Engineering Institute — Branch of the Don State Agrarian University in Zernograd, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Humanities and Foreign Languages, Zernograd, Russia
e-mail: Lavruhina_i@inbox.ru

Elizaveta A. Antonenko

Azov-Black Sea Engineering Institute — Branch of the Don State Agrarian University in Zernograd, Undergraduate Student, Faculty of Economics and Territorial Management, Zernograd, Russia
e-mail: elizavetta_2003@mail.ru

Justification of Good: Versions in Culture

Abstract. Reflections on good and evil are a part of meaning-life problems. Good is considered as a value that overcomes alienation between people. The article discusses three versions in understanding the good and its nature: the theory of rational egoism, I. Kant's doctrine of moral duty and VI. Solovyov's altruistic concept. The good for rational egoists acts as a means of payment when it is assumed that it will be returned. The good is useful because it ultimately works for the interests of the subject. The good in Kant's doctrine is presented as free action in accordance with inner duty, the categorical imperative. According to VI. Solovyov, man is good by nature by virtue of elementary moral feelings of shame, pity and reverence. Different statuses of a person, the possibility of being free and happy in these versions are considered. In the context of theoretical analysis, a corresponding survey was conducted in order to identify the attractiveness for ordinary consciousness of one or another version of understanding the nature of goodness.

Keywords: moral feeling, understanding of goodness, theory of rational egoism, moral teaching of Immanuel Kant, categorical imperative, altruistic concept of VI. Solovyov.

Введение (Introduction)

Добро (доброта) по сути является сущностным качеством человека, показателем его человечности. Именно поэтому обсуждение вопросов, связанных с природой добра, имеют глубокий философско-антропологический смысл. Вопрос о добре и зле относится к тем вопросам, который человек рано или поздно должен себе задать. Понятия добра и зла являются ключевыми показателями нравственности и духовности, и обсуждение этих вопросов продиктовано самой нашей жизнью. Однако, когда мы начинаем теоретически размышлять о добре, мы как раз и оказываемся в лоне философии.

В современном обществе возникает множество вопросов: почему человек добр? Как интерпретировать добро? Какая концепция добра близка нам сегодня? В истории культуры содержание ценности добра трактовалось по-разному, но неизменным оставалось только одно: добро — это особого рода ценность, преодолевающая обособленность, отчуждение между людьми, утверждающая взаимопонимание, равенство и гуманность между ними [1, с. 136].

Методы (Methods)

Как определить добро? Можно ли построить определение типа «Добро есть Х»? Распространенным в социально-гуманитарном знании является представление о том, что добро как объект философских размышлений недоступно для обычного эмпирического познания, поскольку добро «не от мира сего». Тем не менее в классических и современных философско-антропологических и этических концепциях понимание добра существует в трех контекстах, в которых идут рассуждения о нём. Во-первых, это ценностно-нормативный контекст, в котором добро не определяется, а выражается одобрением относительно него. Во-вторых, теория добра, где добро выступает как объект познания, «при этом объективное добро может трактоваться либо как особая трансцендентная, умопостигаемая реалья, либо как некоторое естественное, эмпирически доступное свойство». В-третьих, более общий контекст теории морали, где добро рассматривается как ценностная установка, которая выполняет определенные функции в межличностном общении [2, с. 20–21].

В самой моральной философии (этике) получили распространение четыре теории, объясняющие природу и причины появления добра. Первая объясняет появление добра надчеловеческой свободной волей, которая и определяет содержание добра, и мотивирует на ее исполнение. Вторая обосновывает добро естественными по происхождению условиями, которые либо есть у человека уже в готовом виде, либо развивают первичные «прото-моральные биологические предпосылки». Третья теория обуславливает нравственность действием сверхъестественного личного начала, которое внедряет моральные принципы в сознание и души людей. Согласно четвертой теории, содержание и функционирование всех нравственных установок (и добра) определяется условиями социальной эволюции человека. Если вообще ставится вопрос «что такое моральное добро», то уже предполагается, что субъект является носителем нравственного сознания, и он хотел бы уточнить, прояснить

вербализовать содержание собственных (или совместных с другими людьми) моральных установок [2, с. 27–28].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В статье представлены три культурные версии в понимании того, почему человек добр: 1) теория разумного эгоизма; 2) учение нравственного долга И. Канта; 3) альтруистическая концепция в русской философии. В связи с этим сформировались различные эталоны доброты, и были даны отличающиеся объяснения (оправдания), почему человек всё же совершает добрые поступки.

Наиболее распространенным на быденном уровне в силу своей очевидности представляется понимание добра, предложенное в *теории разумного эгоизма*. «У людей добро, благо — это то, что в наибольшей мере отвечает интересам конкретного человека. Представляется, что социокультурным интересам любых человеческих коллективов соответствует повышение качества группового взаимодействия и коммуницирования» [3, с. 124].

В пословицах разных народов, аккумулирующих их мудрость, мы находим поучения о том, что нужно быть добрым по отношению к ближнему, что доброта лежит в основе бытовых и межличностных отношений: «На свете не без добрых людей»; «Добрым словом и бездомный богат». Прослеживается амбивалентность в понимании доброты, например порицается излишняя доброта по отношению к другим и в ущерб себе: «Горьким быть — расплюют, сладким — проглотнут»; «Жалеть коня — истомить себя» [4, с. 1037].

В современном информационном пространстве наиболее популярным представителем этой точки зрения является Д. Карнеги, который уверен, что «забота о других не только отвлекает от беспокойства о себе; она также поможет вам приобрести много друзей и получить массу удовольствий в жизни» [5, с. 77].

Теоретическая версия такого понимания добра представлена во французском материализме (К. А. Гельвеций, П. А. Гольбах, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо), в котором осуществлялась попытка объединить общественный и личный интерес. Как считает Гольбах, человек должен «усматривать выгоду в добродетельном поведении» [6, с. 179]. «Нравственная обязанность — это прибегать к средствам, способным сделать счастливыми существа, с которыми мы живем, чтобы побудить их сделать счастливыми нас самих...» [6, с. 167]. Договор, который заключили люди, объединившись для жизни в обществе, предусматривает обязанность «оказывать взаимные услуги и не вредить друг другу» [6, с. 171]; этот договор поддерживается силой закона.

Гольбах отмечал, что добро как добродетель должно воспитывать: «Человек так часто бывает дурным лишь потому, что считает себя почти всегда заинтересованным в этом. Пусть позаботятся о просвещении и счастье людей, и они станут лучше. При справедливом и неусыпном правительстве государство скоро начнет избилывать добродетельными гражданами» [6, с. 347].

Учение о разумном эгоизме французских материалистов XVIII в., безусловно, гуманизировало общие представления о человеке, но с точки зрения практической морали

осталось в области высоких нравственных идеалов, которые основой для гармонизации отношений в обществе быть не могли в силу невозможности их реализации [7].

«Теория разумного эгоизма» нашла свое отражение и в представлениях в Н. Г. Чернышевского, который предложил самое широкое понимание разумности эгоистами. Чтобы быть добрым, нужно рационально убедиться в максимальной выгоды делать добро для других, для всего человечества, ибо это в конечном счете выгодно и для тебя.

«Добро» выступает у Чернышевского в качестве «очень полезной пользы», и цель, которая предписывается человеку его здравым смыслом, — это добро. Добро тождественно разумности, т. е. расчетлив и рассудителен только тот, кто добр, и ровно настолько, насколько добр [8, с. 260].

Итак, человек по своей природе эгоист. Движущая сила всех поступков — личный частный интерес. Частный интерес понимается не как сиюминутный, а как долгосрочный и просчитанный. В моих интересах, чтобы люди относились ко мне по-доброму, и это возможно, если и я буду с ними добр. По сути, золотое правило нравственности — это очень широкое прочтение разумно эгоистической версии. Добро в этой ситуации — это средство платежа, кредитования другого человека, когда предполагается, что оно будет возвращено. Добро полезно, потому что в конечном счете работает на мои интересы.

Нравственное учение И. Канта основывается на признании того, что добрые и злые поступки должны представлять собой свободные действия. Воля человека вообще действует сообразно следующим принципам: 1) правила умения, проявляющиеся в действиях для достижения цели; 2) советы благоразумия, выступающие средством достижения собственного счастья; закон нравственности, который определяет характер поступка независимо от его содержания [9].

Для Канта представляется очевидным, что третий принцип обладает статусом всеобщего, первые два связаны с личным опытом человека и обеспечивают комфорт и личное счастье человека. Закон нравственности Кант называет долгом (категорическим императивом), его выполнение не зависит от желания людей, в некотором смысле это нравственное принуждение, согласованное с волей.

Если мы говорим, что человек по природе добр или зол, то «это значит только то, что он имеет в себе (непостижимое для нас) первое основание принятия добрых или принятия злых (противных закону) максим, и притом как человек вообще, а стало быть, через них он выражает также характер своего рода» [10, с. 273].

Если человек осуществляет выбор в пользу влечений и чувственных потребностей, можно говорить о совершении зла и вменить ему ответственность за это [11, с. 22].

Кантовские взгляды строги и бескомпромиссны: человек или счастлив, или добродетелен. «Счастье и добродетель — вещи несовместные». Счастливый ориентируется на себя, добродетельный — на другого. Отсюда следует, что счастливый человек не является свободным, так как зависит от своих желаний, склонностей и условий, в которых существует. Добродетельный человек свободен, потому что совершает добрые поступки, благодаря внутренней

воле, желающей добра ради самого добра, но несчастлив, так как не реализует своих желаний.

Моральный закон может выражаться в форме законодательного принципа: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» [12]. Но в контексте учения Канта о человеке как цели можно представить его и в другой формулировке: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда — только как к средству» [9]. По сути, Кант накладывает «запрет инструментализации» человека человеком [11, с. 26].

Таким образом, кантовское понимание добра и версия разумного эгоизма по-разному понимают статус человека. Любой человек для разумного эгоиста является средством для достижения собственных целей, т. е. целью являюсь Я сам. Кант же считает, что к другим людям надо относиться так же, как к себе. Разница в позициях Канта и его предшественников очевидна:

Теория разумного эгоизма:

Я сам → другой человек как средство для моей цели (Я сам);

Кант:

Я сам → другой человек, такой как Я, такая же цель.

Кантовский категорический императив, по сути, является идеальной моделью нравственного поведения в абсолютно любой моральной ситуации, но, несмотря на его красоту, простоту и всеобщность, он не может быть «назван универсальным нравственным законом в абсолютном смысле, ибо даже в малейшем смысле не учитывает важность личности» [13, с. 113]. В обычных жизненных ситуациях человек со сформировавшимся нравственным сознанием, «как правило, не пользуется категорическим императивом, а действует на основании морального чувства, принятых в его социуме правил, усвоенных привычек и убеждений» [11, с. 25].

В русской философии представлена иная версия добра — альтруистическая концепция. Наибольшую известность она получила в работах В. С. Соловьева.

В литературе можно найти разные точки зрения на содержание альтруизма, выделение его форм и интерпретацию его природы. Ряд авторов понимает альтруизм как программу жертвенности у живых существ вообще, направленную на защиту вида, популяции, родственных особей; соответственно, выделяется родственный, стадный (реципрокный) и «истинный» альтруизм [14, с. 10; 15, с. 651]. Нам интересен социальный альтруизм в его нравственной форме (в отличие от нормативного, социологического и эволюционного) [16, с. 64–65].

В русской философии под нравственным альтруизмом принято понимать бескорыстные, т. е. лишённые эгоистических интересов, действия одного субъекта, направленные на устранение проблем другого человека. Альтруизм возможен при особом усилии воли, предполагающем своего рода самоотречение и ограничение собственного интереса [17, с. 62].

Реализацией принципа альтруизма является жизнь ради других, ради помощи и реализации своей любви ко всему человечеству. В. С. Соловьев сформулировал правила альтруизма — «отрицательное и положительное:

1) не делай другому ничего такого, чего себе не хочешь от других; и 2) делай другому всё то, чего сам хотел бы от других. Короче и проще: эти два правила, соединяемые обыкновенно вместе, выражаются так: никого не обижай и всем, насколько можешь, помогай» [18, с. 180–181].

Вл. Соловьев создал систему, которая характеризуется нравственно практической направленностью. В своем главном труде «Оправдание добра» он поставил задачу «оправдать», объяснить добро. В контексте этого В. С. Соловьев 1) исследовал первоосновы человеческой нравственности; 2) интерпретировал добро как Абсолют, как предельное совершенство в Боге; 3) жизненную задачу человечества видел в совершенствовании человека в направлении добра [19].

А. Гулыга отмечает, что В. С. Соловьев создает триаду в структуре морального сознания человека: «Во-первых, сознание моего морального несовершенства; во-вторых, наличие объективного, вне меня существующего абсолютного добра. В-третьих, мое стремление к нему приблизиться, мое совершенствование. <...> Вторую причину Соловьев называет Богом, вечно существующим, совершенным Добром. Бог — это моральный Абсолют, без которого никакие императивы не работают» [20, с. 251].

Соловьев исходит из того, что все люди добры от природы, так положил Абсолют — Абсолютное добро. Сознательно и разумно делать добро я могу только тогда, «когда верю в добро, в его объективное, самостоятельное существование в мире, ... верю в нравственный порядок, в Провидение, в Бога... Эта вера логически первее всех положительных религиозных воззрений... и метафизических учений» [18, с. 196].

По своему назначению человек есть «безусловная внутренняя форма для добра как безусловного содержания» [21, с. 144]. По Соловьеву, Абсолютное добро определило в человеке наличие особых нравственных переживаний, элементарных нравственных чувств. Человек добр, потому что переживает их (не вынужден переживать, а имеет их в силу своего нравственного состояния, естественного для него).

Эти элементарные нравственные чувства, на которых стоит нравственность, — это чувство стыда, чувство жалости и чувство благочестия. [18, с. 36–37]. Стыд сдерживает человека от чрезмерных чувственных наслаждений, удерживает на стезе порядочности и умеренности; стыд выделяет нас из материальной природы. Жалость или сострадание выступают побуждающими к помощи регуляторами поведения и базируются на «признании за другим собственного (ему принадлежащего) значения — права на существование и наибольшее благополучие» [18, с. 41]. Благоговение — это бесосновное убеждение в необходимости добра, преклонение перед ним и забота о его судьбе.

Исходя из идей жалости, В. С. Соловьев по-другому трактует золотое правило нравственности: «Если я не хочу никого обижать, то ведь это потому, что я в других признаю такие же живущие и страдающие существа, как я сам; ...я их не обижаю, потому что я их жалею, но если я их жалею, то я буду и помогать им» [18, с. 182].

Смысл этического учения В. С. Соловьева в том, что он настаивал на «неразрывном единстве нравственности

в жизни человека и человечества со всеми другими сферами их деятельности». В нравственном самосовершенствовании человека и общества философ видел условие сохранения культуры, жизни человека и природы [21, с. 159].

Интересно сравнить позиции И. Канта и Вл. Соловьева. Первый считает, что человек должен делать добро и быть свободным. В этом и есть смысл его жизни, но такая жизнь не является счастливой. Соловьев же оставляет человеку возможность быть счастливым. Человек добр в силу элементарных нравственных чувств; делая добро, он реализует свою глубинную сущность, и поэтому счастлив.

В вопросе о соотношении альтруизма и эгоизма сложилось несколько точек зрения: 1) альтруизм — это преодоление эгоизма; 2) эгоизм и альтруизм находятся в диалектической взаимосвязи; 3) альтруизм и эгоизм — принципиальные антиподы (В. С. Соловьев). Так, П. Кропоткин считал, что не существует противоречий между альтруизмом и эгоизмом: «если бы благо индивида было противоположно благу общества, человеческий род вовсе не мог существовать»; нет «чистого альтруизма без личного в нём удовольствия, следовательно, эгоизма» [22, с. 315; с. 237]. Соловьев придерживался другой позиции: «Расширение личного эгоизма в семейный, национальный, государственный, вероисповедный, хотя и выражает исторические успехи нравственности, не упраздняет, однако, принципиальную ложь эгоизма, которая отвергается безусловно правдой альтруистического начала» [18, с. 41].

Мы согласимся с мнением, что «альтруизм может выступать действенным моральным ограничением эгоизма, и в то же время эгоизм (в любой социально-философской интерпретации, в том числе «разумного эгоизма») может становиться первопричиной для проявления альтруистических намерений» [17, с. 65].

Чтобы разобраться, какая концепция добра близка нам сегодня, мы провели небольшой опрос, в котором приняли участие 50 человек из разных возрастных групп: 18–24 лет — период юности (молодежь), 25–44 лет — молодой возраст (молодость), свыше 45 лет — средний возраст (зрелость). Количество людей с большим жизненным опытом намерено составило значительную часть от числа всех опрошенных (46 %), поскольку мы предположили, что такие люди в силу своего возраста столкнулись с достаточным количеством хороших и плохих жизненных ситуаций и понимают истинные мотивы добрых поступков. Вопросы и предлагаемые ответы в анкете отражали содержание представленных в статье версий понимания добра.

В самом начале опроса был предложен вопрос, может ли человек вспомнить, когда в последний раз оказывал помощь совершенно незнакомым людям? Оказание помощи своим близким обычно людьми расценивается как само собой разумеющееся. Но, оказывая помощь незнакомым людям, мы в какой-то степени «записываем» добрые дела. Абсолютное большинство людей о добре размышляют и ответили: «да, на днях» (46 %) и «в этом году точно» (36 %). 18 % опрошенных не вспомнили таких событий, что, вероятно, свидетельствует о том, что размышления о добре еще не попали в фокус их внимания.

Затем была предложена жизненная ситуация, которая могла бы произойти с любым человеком: незнакомая

пожилая женщина попросила опаздывающего человека (Вас) помочь с выносом мусора в далеко расположенный мусорный контейнер. Преобладающая часть опрошенных (48 %) выразила готовность помочь бабушке из жалости к ней, тем самым проявив альтруистические качества; 42 % респондентов помогли бы ей потому, что люди просто должны помогать друг другу, т. е. разделили кантовские взгляды о природе добрых поступков; а вот 8 % из числа опрошенных поступили бы как разумные эгоисты: извинились бы и пообещали помочь в следующий раз. Однако нам представляется, что в реальной жизни многие поступили бы как разумные эгоисты.

Тем не менее с утверждением о том, что человек делает добро, исходя из личных интересов, согласились только 24 % опрошенных; 56 % находят другие мотивы добрых поступков; а 20 % вообще затруднились с ответом. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: внутренне человек признает необходимость ориентироваться в своем поведении на абсолютное добро, опираться на свои нравственные чувства, проявлять жалость, стыд, сострадание, но при этом в реальной жизни люди часто поступают как разумные эгоисты.

Сказанное выше также подтверждается ответами респондентов в отношении того, как они повели бы себя в следующей ситуации: после пропажи породистого кота хозяева предложили вознаграждение нашедшим его. В случае обнаружения кота 70 % от числа опрошенных вернули бы его хозяевам, не взяв вознаграждение. Однако 30 % от вознаграждения не отказались бы, т. е. поступили бы как разумные эгоисты, руководствуясь тем, что делать добро для других в конечном счете выгодно и для себя самого. Интересно, что никто не оставил породистого кота себе, учитывая переживания его хозяев.

В предлагаемом нами опроснике намеренно были смоделированы такие ситуации, в которых человек в какой-то мере должен был определиться с мотивами своих поступков. Так, например, предлагалась следующая ситуация: на улице гололед, впереди вас идет неопрятно одетая (можно сказать, асоциального вида) женщина средних лет, которая не удерживает равновесие и падает. Проходящий мимо мужчина не помогает ей встать и брезгливо проходит мимо. Большинство людей (70 %) ответили, что просто помогут встать (альтруисты); 26 % — помогут, потому что должны помочь, ведь это женщина (кантианцы). Однако в реальной жизни мы не замечаем такой готовности помочь от прохожих в схожих ситуациях, многие сделают вид, что не заметили и просто пройдут мимо, т. е. примут решение, противоречащее их внутренним нравственным размышлениям.

Следующая ситуация была смоделирована в контексте кантовского понимания добра: одолжите ли Вы большую сумму другу, который оказался в неприятной ситуации и остро в ней нуждается, не имея гарантий возврата денег? Понятно, что друзья должны помогать друг другу и выручать в трудную минуту. Дали столько, сколько смогли бы (что с этим другом поделаешь), 26 % опрошенных, тем самым в какой-то мере реализовали кантовский долг. Одолжили денег 32 % респондентов, объяснив, что тоже могут попасть в такую ситуацию, продемонстрировав подспудно эгоисти-

ческие мотивы поступка. В итоге почти половина опрошенных, просчитав ситуацию, денег бы не дали вообще.

Интересны ответы респондентов на вопрос, любят ли они дарить подарки близким людям. Любят дарить подарки и получают огромное удовольствие от самого акта дарения 74 % опрошенных. В случае искренности этого мотива очевидно, что перед нами сторонники альтруистической концепции добра. Подарок в рамках следования традиции (18 %) говорит скорее об ориентации на внешний долг (не императив Канта), предполагающий поддельные чувства и эмоции. Хладнокровный подход «подарю я — подарят мне» присущ откровенным разумным эгоистам (8 %), которые вводят себя в заблуждение, непременно ожидая подарка в ответ.

Далее респондентам была предложена непростая жизненная ситуация: в семье мать ухаживает за своей больной матерью; должны ли дети (внуки) помогать матери в уходе? В итоге, 84 % опрошенных в критической ситуации, влияющей на образ жизни самого человека, лишь отчасти ориентируются на свои нравственные чувства: помогать матери в уходе за бабушкой будут лишь по мере своих сил. Однако 14 % все же будут помогать в уходе, так как жалко и маму, и бабушку. Совсем отказались помогать матери в уходе за бабушкой 2 % опрошенных, потому что это проблема самой мамы, а они будут ухаживать за своей матерью (будут ли?).

Респондентам была предложена еще одна достаточно непростая ситуация, в которой на их глазах происходит драка между взрослыми мужчинами. Поведение в этой ситуации позволяет более точно определить, действительно ли человек делает то, что говорит, или, когда обстоятельства не гарантируют положительных ожиданий, его слова расходятся с действиями. Только 16 % опрошенных бросились на помощь тому, кто слабее, определившись в выборе абсолютного добра или внутреннего долга. Предпочли просто пройти мимо, опасаясь неприятных последствий, 24 % опрошенных. Больше половины (58 %) заняли промежуточную позицию: подняли крик, чтобы привлечь внимание других, вызвали полицию. Таким образом, они решили не бездействовать, но и не принимать непосредственного участия.

Ответы на заключительный вопрос анкеты о том, как следует разделить наследство между детьми, оставленное после родителей, были сформулированы максимально приближенно к содержанию предложенных концепций и, на наш взгляд, действительно позволяют выявить реальные ориентиры людей относительно добра: «всем поровну» — эгоисты (58 %); «кто досматривал, тот и забирает» — кантианцы (42 %); «кто хуже живет, тот и наследник» — альтруисты (0 %). Ответы, как нам представляется, подтверждают, что люди в большинстве своем эгоисты. В реальности, если ситуация связана с интересами и выгодой самого человека, то в первую очередь он будет ориентироваться на свои желания и потребности.

На основе результатов анкетирования можно сделать вывод: как смысложизненный ориентир (духовный прицел) в современном российском обществе альтруистическая концепция является лидирующей в понимании добра. На это указывает то следующее обстоятельство, что большинство людей, независимо от возраста и пола, считает

необходимым проявления чувства жалости, сострадания в той или иной критической ситуации. Однако в реальной жизни человек поступает, ориентируясь и на другие модели добра. Как показали ответы респондентов, в теории мы ориентируемся на добро — долг, а в реальной жизни поступаем как разумные эгоисты. Возможно, это объясняется тем, что многообразие жизненных ситуаций предполагает, что человек научается реализовывать различные схемы доброго поведения, что, конечно, базируется на том или ином осмыслении различных концепций добра.

После рассмотрения теоретических вопросов и анализа результатов опроса возникает вопрос о том, существуют ли абсолютно плохие (злые) и абсолютно добрые люди? Нам близок ответ, данный М. А. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита». В отдельно выделенном повествовании о жестоком пятом прокураторе Иудеи — Понтии Пилате писатель предлагает свой вариант решения библейской темы борьбы добра со злом. Понтий Пилат только хотел казаться жестоким и злым человеком, а в итоге на протяжении 12 тыс. лун мучился, что совершил неправильный поступок по отношению к неповинному человеку, став причиной его смерти. Из-за своей трусости он не смог разделить его взглядов, так как был «...не готов занять его место...». Иешуа Га-Ноцри, пострадавший от рук прокуратора, проповедовал, что в мире не существует злых людей, а есть определенные обстоятельства, которые вынудили их стать таковыми. Например, «...другие люди изуродовали его, он стал жесток и черств...»; власть, являющаяся насилием над

людьми, препятствует человеку перейти в царство истины и справедливости.

Заключение (Conclusion)

На основании результатов опроса мы склоняемся к выводу, что все люди способны проявлять нравственные качества, поступать в той или иной ситуации так, как будет правильнее (по-человечески), нацелены на абсолютное добро. Кто-то совершает добро по причине нравственных переживаний, другой человек добр, потому что убежден в том, что добрые поступки вернутся к нему, а третий добр, так как ему выгодно находиться в таком статусе. Но существует множество внешних обстоятельств и правильно/неправильно понятых личных интересов, которые оказывают негативное воздействие на личность, оставляя след в виде проявления жестокости, равнодушия и бесчеловечности. Есть ли тогда польза от категорического императива Канта и альтруизма Вл. Соловьева? Категорический императив всё же может быть полезен при оценивании собственных поступков, а также в ситуации неопределенности при выборе альтернативных моральных систем. А «чистый» альтруизм можно рассматривать как «олимпийский рекорд» в отношениях между людьми — достигается единицами, но служит ориентиром для многих.

Таким образом, философско-антропологическое исследование проблематики природы добра содержит важные выводы, позволяющие анализировать мотивацию человеческой деятельности.

Библиографический список

1. Мордовина Л. В. Природа и сущность доброты // Аналитика культурологи. 2014. № 29. С. 130–136.
2. Максимов Л. В. О дефинициях добра: логико-методологический анализ // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 17–30.
3. Флиер А. Я. Культура о добре и зле // Тр. С.-Петербург. гос. ин-т культуры. 2015. С. 124–136.
4. Янчич Е. В. Добро и доброта в русской и английской пословичной картине мира // Молодой ученый. 2016. № 21 (125). С. 1035–1038.
5. Карнеги Д. Как перестать беспокоиться и начать жить. М.: Прогресс, 1989. 105 с.
6. Гольбах П. А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного // Гольбах П. А. Избр. произведения в 2 т. М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1963. Т. 1. С. 53–700.
7. Онищенко В. Л., Лагутин А. О. Разумный эгоизм как предмет исследования в социально-философских теориях французских материалистов XVIII в. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 29–32. DOI: 10.24158/fik.2017.6.7
8. Ларина Т. А. Этическая концепция «Разумного эгоизма» в теории личности Н. Г. Чернышевского // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни Российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2013. С. 260–262.
9. Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. I. С. 211–310.
10. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты. СПб.: Наука, 1996. 551 с.
11. Соболева М. Е. О зле в человеческой природе в трудах Канта // Кантовский сборник. 2014. № 4. С. 15–27.
12. Кант И. Критика практического разума / пер. с нем. СПб.: Наука, 1995. 528 с.
13. Холодницкий С. В. Категорический императив Канта: Границы применения // Молодой ученый. 2018. № 28 (214). С. 112–113.
14. Быков А. В. Альтруизм в социологической теории: интегративный подход: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2015. 25 с.
15. Гидлевский А. В., Максименко Л. А. Альтруизм и эгоизм как базовые детерминанты бытия человека // Фундаментальные исследования. 2014. № 6–3. С. 649–653.
16. Вергалец Н. В., Кубасова Я. В. Альтруизм: природа и значение в современном мире // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 8 (58). С. 61–66.
17. Березина Е. М. Альтруизм и милосердие // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 62–68
18. Соловьев В. С. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации: Алгоритм, 2012. 656 с.

ФИЛОСОФИЯ

19. Литвякова Л. А. «Оправдание добра» у В. С. Соловьева: философский анализ // Скиф. 2017. № 10. С. 1–4.
20. Гулыга А. Н. Поиски Абсолюта (к вопросу о милосердии, о котором напомнил Д. Гранин) // Новый мир. 1987. № 10. С. 245–253.
21. Малая В. Г. Этическое учение В. С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2001. № 1. С. 141–161.
22. Кропоткин П. А. Этика : избр. тр. М. : Политиздат, 1991. 496 с.